

Шарлотта Лис

18+

ДИСКО

Шарлотта Лис

Диско

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лис Ш.

Диско / Ш. Лис — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Фрагмент романа о студенческой жизни героини в неродной для нее стране. Шарлотту окружают интересные люди, с которыми у нее формируются общие привязанности, но вся ее жизнь подчинена мечте - найти любимого человека в лице знаменитого исполнителя бальных танцев. Этого красивейшего юношу Шарлотта видела только по телевизору и на фотографиях. Мысли о Мигеле открывают для нее настоящий путь познания себя и своей сексуальности. Суждено ли Шарлотте встретиться с Мигелем? Может ли любовь на расстоянии стать реальной?

© Лис Ш., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Его я люблю днем и ночью,
И привиделось мне, что он умер
Уолт Уитмен «Листья травы» 1871

Я такой же непостижимый и дикий,
Я испускаю мой варварский визг
Над крышами мира
У. У. 1855

Я поднимаю голову и вижу это здание, высотное и будто летающее на меня всеми своими этажами, – и мне кажется, кажется, что я снова..., снова в Лондоне.

Это университет. Здесь за мной закрывались двери...

Здесь родилась мечта, здесь выросла одна жизнь... Моя жизнь...

Она стала такой, как твоё основание, зарытое в землю; я характер свой мерила по твоей стене, стремление возводила, как ты свой фасад – на одиннадцать этажей, и, может быть, поэтому оно всегда угрожало свергнуться с воздушной своей грани так же, как ты вот-вот обрушишь на меня свою главу!..

Я могла стать великаном, но осталась ничтожеством... Должна была понять тебя, но не поняла... И говорю я сейчас не обиду, а страшное заблуждение – и тебе, наука в каменной плоти, разрешить его. Ты посмотришь на меня как на заблудшее свое дитя, которое вновь нужно учить, и ни одно безобразное мое слово не сдвинет твой дивный светоч... Только скорбь развязывает мне язык. И нечего уже терять! Нечего! Если только на моих глазах ты не ляжешь прахом, унося истину мою в руины! Без тебя я проиграю не только остаток этой жизни, но и смысл всего, что было. Может быть, завтра я умру... Я слишком больна, чтобы сдать еще один экзамен. Мне нужен лишь правильный ответ, подсказка – хоть единственный раз, хоть однажды... как друг – другу, как бог – фанатику...

Ты! Ты не мое достоинство, но зелье, наркотик, без которого я не могу жить. Я психологический наркоман, в мозгу моем путаные коридоры и ступеньки, ступеньки, ступеньки... Все одиннадцать этажей... То, что снилось без конца, саднило душу и память, побеждало расстояние между нами... Я почти на пол-земного шара отступала, отступала... И теперь знаю: ты – зелье, с которого рвет, когда его слишком мало.

И вот я пришла к тебе. Крадусь по затемненной аллее – и постепенно раздвигаются деревья, обнажая до самого солнца твой белый стан. Ты смотришь стеклянными окнами в мои стеклянные глаза... Ты помнишь, сколько мне лет? Сколько лун миновало надо мной с тех пор, как мы расстались? А ты помнишь, как это началось? Как впервые я сказала: «Боюсь, мама»? И двери закрылись за мной, и мой возраст был возрастом Джульетты...

И не знала я другой жизни – лишь клетка, запертая со всех сторон... «Я не сплю ночей, я поднимаюсь рано по утрам в бреду, когда всех на свете хочется послать от усталости! Никто меня не понимает. Это ужасно! Я вынуждена сидеть допоздна со своими уроками, о бог, один ты знаешь, что я так боюсь темных ночей, когда все ложатся спать, а я сижу до заговенья; я боюсь, страшно боюсь сидеть одна, боюсь темноты, боюсь невидимого присутствия... кого-нибудь. А потом я засыпаю, но часто прихожу в себя от кошмаров, которым нет конца; они терзают мой разум, а мне так страшно, о, ты один знаешь, Иисус, как мне бывает страшно... Десять лет одно и то же, одно и то же... Я не вижу мира, я ничего не знаю, но хуже всего, что желая перемен, я боюсь их».

Взгляд в мир! И какая сила пробил твои камни... Я бы жила в затворниках... Ждала бы логического конца, испила до дна свой наркотик... И все равно, кстати, что логическим завершением наркомании становится смерть...

Молодость моя, зачем ты сгубила мне душу? В тот год я стала извращаться и слушать музыку. Какая-то бешеная ответная реакция – на что? – скажи мне! Тебя ли я защищала, белое мое здание, пытаюсь голову с инстинктами утопить в ужасе – или уже во власти была того, что просыпалось изначально дурным?! Я тогда еще знала: все это, под видимостью перемен, в полном противоречии с самой собой, есть оторва, уход от действительности, от обыденности, от бедности...

Молодость, скажи, зачем ты сгубила меня так жестоко? Зачем ты своей собственной жизнью жила во мне? Или я виновата? Или громада вечная, что надо мной раскачивается в вечных каплях слез? Я была старой, я помню... На обрывке какой-то лекции писала строки факта или жалобы – или просто так некстати, неудачно соединенные слова: «Я почти совсем старуха в шестнадцать с половиной лет, ведь безумие всегда..., всегда оставит след, посмотришь – а в мозгу разруха...»

И ты возродилась, молодость, в каком-то импульсе – отравленная, взбешенная – вырвалась наружу, пробив во мне целый тоннель, и унесла, уничтожила в ярости своей и революции то единственное, которое еще роднило меня с homo sapiens.

Жутко, когда блестящие от животной страсти обвинять пары человеческих-волчьих глаз приближаются к тебе и грубый голос выносит приговор: «Она еще и лесби!» – «Неправда! – кричит Гордость слабо, но отчаянно. – Что это вы определяете так низменно?! Никто не просил вас судить! Я просто люблю ее, и никто, и ничто, и никогда... НИКОГДА ее у меня не отнимет!»

Я извратила тебя, молодость, я деградировала тебя – и ты выросла такой, как у тебя получилось, как тебе удалось... Но в истерзанной, вырожденной своей сущности ты уже не смогла... любить нормально, ... как люди нормальные любят...

Здание, здание... Смотри стеклянными окнами в стеклянные мои глаза...

А ты знаешь, о чем я мечтала сутки напролет? Знаешь, верно – о парне! Но не молодость в этом виновата! Она меня не удивила любовью. Моя молодость удивила меня вульгарностью этой любви. На меня обрушились беда и позор – на меня обрушился фанатизм. Я ненавижу это слово, но его твердят все, кто знает меня. Выходит, я разучилась любить, теперь я могу лишь фанатеть? Меня обвиняли в платонических чувствах всю жизнь, и вот я надеялась: когда стану взрослой, смогу с полным правом заявить в лицо каждому: ЛЮБЛЮ! – и что же? Я влюбилась в человека, которого не видела в глаза... просто он... знаменит... Я была раздавлена и понимала: я раздавлена...

И позволить ему идти, куда хочет? И убить в себе сердце? Сказать, что это неправильная любовь?

Но, послушай, я всегда буду тебя любить, всегда буду о тебе мечтать! Увы, я могла лишь фанатеть, но мой фанатизм дал тебе то, что ты сам видел... и то, ... чего еще не видел...

О чем же молиться еще?! Бог, если бы я могла хоть как-нибудь сделать его счастливым... Пошли мне хоть его боль! – это неизмеримое блаженство... чувствовать его боль. Но только не свою! Я слишком слаба для собственной боли! Я даже не благословила его... на этот шаг... Он прогнал меня жестоко...

Почему ты бросил меня... почему? Может быть, мне попросить прощения? Но в чем каяться? Только в том, что я – это я...

Где воздастся за верность? И кому верна? – призраку, опавшей листве... Родное мое небесное создание – земной мужчина... Муж мой, ты один имел право разбить мое сердце... И как жена я сама подставила грудь под удар... Как мне проникнуть в эту душу, как узнать эту тайну? Ты не вернешься? Неужели нет? Но ведь ты... ты любил меня...

Стеклянные окна, посмотрите на свою дочь, скажите, в чем она виновата? Она ведь ничего не сделала дурного: не показывалась обнаженной перед ними – всего лишь танцевала; позволила себя накрасить, полюбила страстно человека, отдавая ему душу, – человека, кото-

рого окружавшее ее общество ни в коей мере не считало чем-то заклеянным! Так в чем же скрывалось это ТО, что мешало и мешало...

Университет мой, я прихожу к тебе как к предтече всей любви, длившейся сто лет. Даже несмотря на то, что лето сегодня – двадцать первое в моей жизни – все равно этой любви сто лет! Я прошу только одну истину: скажи, почему его нет со мной? И я буду ждать ответа, пока глаза не побелеют от твоих стен. И буду скользить взглядом по всем одиннадцати этажам и изредка, будто случайно, упираться в голубое, безоблачное небо, в которое я когда-то кричала его имя... Имя знаменитого человека! Какая глупость! Я тогда еще не знала, как он знаменит, НАСКОЛЬКО он знаменит...

Милый, любимый, ... родной! Одно слово страшнее другого... Если бы, действительно, слово могло убить своей священной силой...

.....
1. Слишком многое сегодня случилось – ставили елку – это мой первый Новый год, когда я его люблю! – я весила на деревце шары, а они сверкали, и в этих огнях мне чудился он-он-он...

Зак притащил громадный пакет с конфетами: разделим на четыре части – будут нам всем подарки... Завтра-завтра наступит Новый год – вечный праздник, я всегда плачу в эту ночь от сознания того, что мы будто перемещаемся куда-то, от боя часов по ТВ – о, ночью я сумасшедшая!!! Люблю и страдаю – вот Новый год для меня! А с Мигелем теперь то же самое. Что будет, когда они совместятся? – это будет завтра... А когда будет одно такое «сегодня» и я так же смогу сказать самой себе: «Это произойдет завтра!»? Когда будет это «завтра»? Когда он будет моим? Неужели природа посмеет убить такую любовь – это после того, как сама же мне ее и послала! О, ну пожалуйста-пожалуйста... Я его люблю!.. Не плачь, сердце, только не плачь, я прошу, не начинай опять, все это не поможет, по крайней мере, теперь – терпи, терпи... О, Мигель, у меня болит ухо, у меня съехало давление, я опять реву, не могу не реветь – не могу тебя получить, никак не получается, о сердце, мое сердце! Я смотрю на него – солнышко, солнышко! Все валится из рук, из груди рвется, рвется, и не знаю, куда себя деть. Как сделать так, чтоб ты услышал хоть раз в своей жизни – Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, и пусть весь мир рушится-рушится к чертовой матери, но я тебя люблю!!! Я такая жалкая и беспомощная, и ты меня не знаешь...

А ведь он живет в Лондоне! Всего 40 километров. Не пол-земного шара, как раньше, но по-прежнему я опускаю вечером голову на подушку, достаю своих «Хоббитов» и чаще всего не могу прочесть ни строки – все мучаюсь сознанием полной безнадежности. Это слишком мало – быть в одной стране! Что теперь? Броситься ему на шею в клубе? Или бродить по улицам, мечтая попасть под его автомобиль? Все это годится – но не для любви. И деловых отношений у нас быть не может. Я – бездарь по сравнению с ним. Никто меня не знает, никто ему не представит и не скажет: «Она талантливая танцовщица, и если вы хотите совместное выступление, то...» Балерина из меня третьесортная, я и танцую всего два с половиной месяца – учусь танцевать! Но пока, мне кажется, просто пляшу и прыгаю козлом. К тому же Линда сразу высказала все соображения на мой счет: какие у меня данные, какие способности и какие танцы мне лучше всего развивать. И в пару я не гожусь! Очень обидно было это слушать, но она про мое расстройство до сих пор не знает. Что ей! Профессиональный тренер! Нас было там десять человек, всем тактично высказала как на духу. Мне и так повезло: она семерых отправила в коло, в том числе Анну, а меня поставила на персональный график. Достоинства мои в том, что бедра подходят для танца живота и внешность располагает к одиночным выходам. «Конечно, ты не стопроцентный образ жгучей Кармен, но приблизить будет вполне возможно. Если постараться вжиться в роль и раскрепоститься – можешь добиться даже кандидатуры в VIP». Словом, возможность ВЫСТУПАТЬ... Я чуть было не протянула по-детски: «А парный?..», но тут же поняла, что однозначно нет. У меня отсутствует ориентация, я не понимаю

партнера... Не могла же я сказать ей, что лишь с Мигелем Мартинесом буду вести танец на ура! Кто же первые свои тренировки начинает с мировым призером?! Такое, по-моему, вслух предположить стыдно... И не радует меня даже этот VIP – одиночные женские танцы, его там все равно не будет, он меня не увидит на сцене – никогда... Единственное место, где может его взгляд скользнуть по моему лицу недоделанной Кармен – это многолюдные залы ассоциаций LATINOHOLL и DISCODANCE. Но там я буду только зрителем и... фанатом. Проклятый фанат! Настоящее преследование... Так я лишусь возможности смотреть на него вживую... Опять только TV... А он танцует с Ализе – и будет танцевать с ней всю жизнь теперь. Она татарка! Мы одной крови! И чем же тогда она лучше меня?! Кто доделал ее до Кармен?!

И все это притом, что я сто раз зарекалась не завидовать...

И кто догадался показать крупным планом эти глаза по злосчастному TV? В шестнадцать лет влюбиться в какие-то глаза! Но ведь так здорово было... Зал рукоплещет, он отвешивает поклон, выпрямляется – и в камеру сверкнули глаза... И в мою душу... Помню, как сейчас, хотя целый год уже прошел. Я тогда была еще дома. Однажды февральским вечером позвали меня к телевизору посмотреть на конкурс международных танцев. Он выступал за Мексику, танцевал пасадобль с шикарной девушкой... Я не запомнила ее фамилии... Им единодушно присудили первое место. А потом его объявили: «... двадцатипятилетний Мигель Мартинес...»

Я даже обрадовалась, что он знаменит: значит, должна быть его фотография в какой-нибудь газете. К ночи я уже все была готова отдать, чтоб только увидеть его вновь! Утром мы с Энджи обегали все киоски – искали, но почему-то не нашли. И искали потом каждый день – до меня не доходило, что СМИ выходят по крайней мере раз в неделю... В мае, буквально на собственный день рождения, я отыскала огромный иллюстрированный журнал... Две фотографии на целый разворот... И статья, из которой стало известно, что ему уже исполнилось двадцать шесть, по происхождению он испанец, еще не женат и постоянно разъезжает. Где в данный момент танцует, там и живет. «Подающий большие надежды...», «... секс-символ...» Я обожала даже запах этих типографических страниц и в мире различала лишь те краски, которые были на фотографиях... Вот уже сколько месяцев высматриваю я на них все глаза... Будет февраль – будет год... Помню, как в буйном каком-то, страстном восхищении прижала я первый свой журнал к груди и прошептала – еще больше себе, чем ему: «Я люблю тебя, ... испанец!»

А в Англию мы прибыли практически одновременно – в сентябре, только с разных сторон. Одним словом, внезапно съехались. И теперь он живет в Лондоне, танцует с Ализе – и будет танцевать с нею до конца жизни! А я сижу в студенческом городке в Эссексе и университет когда-нибудь закончу – снова уеду домой... Он за это время успеет, наверное, три раза объехать вокруг света... Одним словом, разъедемся окончательно...

Что мне делать? Он сейчас так близок, но это почему-то приносит еще больше безнадежности и муки...

Вообще-то уже пора в постель – завтра долго не спать, сейчас уже двадцать три-двадцать, а я все думаю, не знаю, как устроить свою жизнь. Завтра Новый год... Завтра, завтра... Сажу и повторяю: «Завтра, завтра...» Завтра в полночь я попрошу у судьбы исполнить мою мечту!

Когда мы только приехали в Англию, я помню – ужасно радовались. Хотя, конечно, мы и сейчас ужасно рады. Три месяца пребывания за границей да еще и с пользой способны любого пессимиста настроить на хороший лад. Но в сентябре у меня был настоящий восторг! Я горела желанием увидеть университет, узнать, где мы будем жить. С Валенсией и Зэкеми мы познакомились, когда ехали все вместе на автобусе из Лондона. Всю дорогу они привлекали всеобщее внимание: Зак бесился, поминутно вскакивал и топтался, Лэсси забавно от него отмахивалась. По случайности мы сидели рядом, Энджи и я принялись смеяться – а Зак тут же к нам привязался. Прелесть этот мальчишка! Я сначала думала, что ему лет четырнадцать, но оказалось,

он меня даже на месяц старше. Я пленилась его светло-русыми волосами, длинными, как у девушки. Прежде чем успела сообразить, что делаю, беспардонно ухватила прядь и воскликнула: «Какие мягкие!» Он посмотрел на меня, расхохотался и говорит: «Бери еще!» Я спросила, в какой колледж он поступил. Зак указал на Лэсси:

– Она на филологию, а я с ней!

Какой филолог из него получится – неизвестно, но друг получился классный! К концу маршрута мы уже были взаимно осведомлены и выглядели земляками.

Как же все-таки в одной семье подбираются самые разные люди! У Зака два старших брата, сестра-близнец, три младших сестренки и один братец-мальш, ужасно на него похожий. Никогда в жизни я еще не слышала о таких противоречивых характерах. Зак описывал всех, наделяя каждого самыми неожиданными чертами.

– А где вы живете?

– А кто где!

Логичный финал! Родители с малышами, как и подобает шотландцам, живут в Шотландии, старшие же разбрелись по разным странам и разным видам деятельности. В университет удалось запихнуть лишь Зака – как это ни странно! Но в одном родители оказались правы – вздорного сына нельзя было никуда отпускать одного. Вот он и оказался довеском к Валенсии. Чистой воды – «она на филологию, а я с ней!»

Сама Валенсия – его полная противоположность. Первое мнение мое о ней сводилось к тому, что она немного странна в рассуждениях, задумчива и плоды своей задумчивости за здорово живешь никогда не выложит. Впрочем, она заразительно смеялась. «Все Валенсии немного странные», – говорила она. Ее съедали свои проблемы, как и нас с Энджи. Когда я поглаживала Зака по волосам, Лэсси печально делилась:

– А мои не растут! И куда, скажите, у него лезут, у мальчишки?

Волосы ее были дымчатые, воздушные, еле прикрывали плечи и еще вились...

Лэсси с Заком было то первое хорошее, что принес мне приезд в Англию. Когда мы высадились в Эссексе, я уже знала, что буду любить всех Стюартов без разбора...

Квартировать мы стали в коттедже. И хотя не обошлось без соседей, зато первый этаж – наш полностью. Это же додуматься надо было – три комнаты дать на четверых! Мне кажется – не жить бы нам с Заком, если бы Валенсия не приходилась ему двоюродной сестрой. Усмотрели в этом, вероятно, известную надежность...

– Так, девочки, – деловито командовал наш единственный мужчина в доме, – солнце и тепло всем нужны. Будем комнаты делить по жребии...

Ну и досталась ему самая темная! Свет теперь жжет...

До Нового года сорок минут! Будто кувалда свалится на голову... Меня все-таки усадили за стол – власть они имеют неограниченную! Накормили, подарили махровое нежно-зеленое полотенце с красной надписью «Darling» (Ах!) и большую коробку в виде домика, полную конфет, – а еще внутри нее список этих конфет. Удобно! – прочитала и можно ничего не выкладывать!

Завтра отправляю я своих жильцов, и буду дома праздновать одна. Очень неплохо – у меня есть торт, четыре упаковки сока, мандарины, конфеты... тридцать восемь песен *Dereche Mode* и к вечеру программа... А еще у меня есть четыре книги по истории и список латинских пословиц – именно поэтому я и остаюсь!.. Сейчас хоббитов читаю...

Что-то я переплакала! Тяжелый все-таки человек. Иной раз сама не понимаю, чего мне все-таки надо. Вот нет его – и будто нужен он мне сейчас (если подумать). Я страдаю оттого, что у меня нет надежды. А откуда я знаю, что у меня ее нет?! Я просто себя накручиваю – «а вдруг ее нет!» Эх...

Ну что, *sum anno novo*! Пятнадцать минут всего...

Не знаю, кто это скооперировался на телевизор, но появился он практически сразу, как мы все вселились. Видимо, соседи достали... У нас этих соседей! – два верхних этажа. Шесть комнат, примерно двенадцать человек – вот и топают с ночи до утра! А телевизор стоит в общем холле у самой лестницы, и смотрят его все подряд. Правда настроить удалось единственный канал – и, разумеется, MTV.

С магнитофоном получилось забавно! Он нам достался в персональном порядке от прежних жильцов. Встретился у дверей взрослый парень (по глазам было видно, что все научные камни изгрыз), посмотрел на меня и говорит: «Какая красивая девушка!» И дал мне магнитофон! У нас и музыки-то нет никакой – три кассеты, Depeche Mode да TATY. Зэкері тогда заявил: «Я бы и так не пропал! У меня плеер для CD имеется!»

– А диски где?

– А диски, – говорит, – в магазине. Прихожу и слушаю...

– Гениально, – говорю. – Так и будем поступать.

Магнитофончик, кстати, еле дышит. Он нам из песен ремиксы делает – запись прокручивает на несколько секунд быстрее, чем надо...

Я вся – сплошной комок боли, у меня все ноет. Смотрю на себя в зеркало – совсем не похожа. Что это со мной?

Вчера под бой часов пили сок, как корпорация трезвенников...

Я себя довела – мне плохо, морозит и вообще... У меня сердце просто физически болит, не могу смотреть на Мигеля... Только кину взгляд, и у меня приступ!

Слушала TATY «Полчаса» – надела что-то на эту песню. Она мне еще дома нравилась... Удачно я догадалась ее с собой взять. Насела также на Depeche Mode «Walking in my shoes»: эта и еще одна – единственные мелодичные песни из двадцати на кассете. Все остальное похоже на заклинания – грозно, мрачно и дурная музыка! Из Exciter – четыре нормальных трэка (прогресс!)

«Зареветь..., убежать..., или дверь... на замок...

И молчать..., и лежать..., изучать... потолок...»

Он мне во сне снился – но без сюжета. То глаза, то руки – все плавало, плавало... Вот и прошла новогодняя ночь... Интересно, он пьет?

Вчера в два ночи взялась за историю – утром это был анекдот для всех! Но выучила все равно мало... А сегодня мы не спим до... до... неужели до четырех? Потому что в час начнется по TV концерт Scorpions. У меня в голове – отрывки разных песен...

«Полчаса – поезда под откос,

Полчаса – и твоя полоса,

Полчаса, полчаса – не вопрос,

Не ответ – полчаса, полчаса...»

Я не знаю, приснилось ли мне – или нет... Наверное, все-таки нет, я помню, что не спала. Но с головой погрязла в каких-то небывалых художественных картинах. И вот видится мне, что он разбился на мотоцикле. То ли с кем-то столкнулся? Он упал, и его придавило сверху. Я бегу к нему – «Мигель!» – он вроде живой. Отодвигаю в сторону этот злосчастный мотоцикл. Боже, вся его голова красная и мокрая. У меня не то, что жалость, а прямо какая-то душераздирающая нежность. Я помню, что повторяла: «Солнышко! Солнышко!», водила губами по его лицу – и, наверное, все губы мои были в его крови. И кровь его смешивалась с моими слезами.

«Полчаса без тебя, полчаса...»

А потом больничные коридоры. Иду туда, где он. Сажусь прямо на пол возле кровати и целую его руку, пальцы, грязный перстень с яшмовым камнем...

«Ты и я – полчаса, полчаса,

Каждый сам – полчаса, полчаса,
По своим адресам – полчаса...»

Сделаешь что-то и потом всю жизнь помнишь об этом. Почувствуешь что-то – и потом мир тебе об этом напомнит. Каждому звуку в такт бьется несчастное сердце, каждую мелочь наградит печальным знаменем, будто постепенно слагая слово или целую историю. Снова свет превращается в звезды на мокрых ресницах. Течет по щекам, а ты представляешь – это брызги с моря! А в душе летний ливень, свежо... Никакой черной беды, сплошной катарсис – древнее ритуальное чувство очищения вследствие эстетического сопереживания. Весь человек уходит в мир, а весь мир – в человека. И слезы мои лишь три секунды – от расстройства. Потом я даже счастлива ощущать это острое истерическое волнение. Болевые центры воспринимают как боль то, что на самом деле есть вдохновение жить в гармонии с диким поднебесьем, жить ярче и ярче – пусть лишь на миг. Все звезды разгораются перед тем, как прожгут материю вселенной и уйдут в иной мир.

«Полчаса..., полчаса..., полчаса...»

Песня называется «Полчаса», а на кассете пишут «30 минут». Логика железная!

В начале ноября мелькнуло на нашем горизонте одно существо... Нечто совершенно закоподобное, с такими же длинными русыми волосами, с такими же резкими движениями – по прозвищу Мария. Оно пообнимало меня за шею как новую знакомую и срочно вылетело в Швецию на лыжную базу. Она спортсменка – близняшка Зака.

На дворе второе января, а впечатление – будто весна. Половодье какое-то и натуральный мартовский ветер – просто диву даешься. Если так пойдет, то круглый год будет стоять +10 – в итоге ни зимы, ни лета!

Сегодня столько всего по ТВ – а надо заниматься! Придут завтра сдавать историю с латынью – и все пьяные. Почему – пьяные? А почему нет? Прошлись сейчас – какие-то люди вокруг странные, неприкаянные, и что бесит! – ничего не работает.

Столько сдавать, учить – как все надоело!!! Даже нормально не отключишься – в голове сидит, что надо чего-то учить!

2. Когда наконец щелкнул дверной замок, я поняла, что все это в реальности. Почему-то медлила, тихо-тихо подталкивала эту дверь в крошечной тьме; пока она возвращалась к моим пальцам, не желая затвориться, еще было время думать, обдумывать, бояться и решаться. Но на все это, разумеется, не хватило ни логики, ни сил. Маленькая жизнь ушла на глупое простаивание у порога. Стояла как в полусне, не могла придумать, о чем подумать, слушала тихий, периодический стук двери о косяк – как будто часы-ходики считали секунды... И вдруг – бамс! – будто что-то упало. Закрылась дверь, и я очнулась. В реальности! – которую теперь уже не изменишь. Решения принимать поздно и зря. И так давно решено. Что хочу, то я сделаю... И кругом – все правда: дверь на замке до утра, Великобритания везде и всюду, и я в комнате не одна...

Сажусь на ее кровать, вижу лишь темный маленький силуэт... Возится и базарит за стеной Зак: «Ну я же говорил, что все будет хорошо. Поставим стул... Будем жить. А тут тебе меблированные комнаты... Это сказочно! Это дворец!»

– Послушай, Анна... Энджи...

И тишина в ответ. Только замирает рядом родственное мне сердце. Слышно, ... как оно замирает.

– Ты знаешь..., я никогда не была лидером, но я им стала. Мне делать первый шаг... я мужчина между нами... А ты... ты останешься девушкой всегда несмотря ни на что...

Мы сдвинули сегодня кровати. Нам спать здесь вместе... наверное не один год. Это должно произойти сегодня – или будет душу тянуть до утра... Мы начинали когда-то и обещали продолжить... Ты еще мечтала, ты помнишь? А когда я среди лекции пыталась расстегнуть тебе пуговицы, ты не позволяла... боялась целого мира... И нет его теперь... просто нет, Энджи!

– Да...

Да – и только! Голос глухой... Впервые я ее не вижу из-за этой темноты, впервые я ее не узнаю.

– Я не выношу, когда ты молчишь... и не мечтаешь... Я не выношу, когда не знаю, о чем ты думаешь... Я всегда боялась, что ты не согласишься... и теперь боюсь...

– Но я не уйду и даже не сопротивляюсь...

– Достаточно сказать «нет».

– А я не скажу...

– Ты любишь меня на самом деле, Анна?

– Да... Как в туалете... и больше...

Сразу вспомнились ее губы... Преступные минуты, вечное ожидание удачи, вечная зависимость от одиночества... Записки на уроках – куча улик... Я пыталась ревновать ее к собственным друзьям...

Нам понадобилось два года знакомства. Она удивлялась, как могла раньше жить без меня. А я даже не думала об этой любви – о взаимной любви! Мне в голову не приходило, что кто-то может на это согласиться.

В первый раз мы приложились в великом смятении – еле коснулись друг друга... Я помню, что испугалась собственного ощущения, существования чего-то рядом с моими губами. Есть такие чувства, которые невозможно определить, но они есть. Некие движения души, некие изменения. Я сразу замечаю, если что-то не так в моем внутреннем мире. Я там брожу обычно одна без света по собственным коридорам. А иногда я там кого-то нахожу – вдруг! И тогда говорю: ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ!!!

«Энджи, нам надо поцеловаться, как парень с девушкой... Понимаешь – в засос...»

«Я не умею...»

А оказалось – уметь не надо. Мы пережили и это... Какие мы все-таки животные, ведомые... Подносишь губы к другим губам – и они сразу находят свой путь. И остается лишь разум потерять... и подчиниться...

– Я хочу молчать, Энджи, но мне надо что-то сказать... очень важное...

Ее руки утонут в моих ладонях, я снова буду разгадывать чувство, путать свои коридоры, зажигать какие-то огни... Не бойтесь света! Пусть он проникнет в темноту, растворяя ее изнутри – бесконечность неразгаданного, пусть превратит в дымное облако, в тень, в тлеющую материю. Может, черноты вокруг так много, что не рассеять ее всю, может, пара много, буйного тепла от собственного страстного тела... И зеркало тебя не выдаст! Волосы длинные – но есть и у мальчишки; брови широкие и неприличные, которые ей нравятся – у родного отца такие же; глаза свирепые, косметики никогда не бывало, руки в поросли и коричневом цвете с вывороченными суставами больших пальцев – отнюдь не женские... И ее тонкие светлые пальчики тонут так доверчиво в азиатских твоих клешнях!

Нет у нас мужчины – и не надо! Мы можем сами... Мы все соберемся, чтобы любить одну-единственную девочку... Мы будем любить ее вместе, мои мальчики. Соберем все шрамы с каждого из вас, все воронье краски с ваших лиц, все ваше благородство и бешенство в волчьих сердцах и всю нежность ваших девственных губ... Будем любить ее единым, самым мужским существом на свете... Подарим ей близнецов, которых у нас нет... Мальчики мои в моих тетрадках!.. И простим друг другу, что любим мы блондинок. Вы сами гладили ее по волосам темными пальцами, вы сами слишком жгучи и красивы, вы сами были художниками и маля-

рами. Она была для вас беленькой – хоть недолго, хоть в детстве. Вы лишь мечтали тогда, испепеляли ее своими мыслями. И все это вы, мои мальчики в моих тетрадках!..

Нахожу в темноте ее губы и касаюсь легко, будто снова рисую – раз! – и готово. И осталось на листе. А я сколько все вниз, по шее, ниже, ниже, ниже... И руки катятся по ее волосам, по ушам и вдруг – голые плечи под моими пальцами...

– Что это, Энджи?

– Далеко моя рубашка, мне до нее не дотянуться... Я сама себя раздела. Прошло время мечтать...

– Ты коварна, женщина...

Какая же улада чувствовать себя мужчиной! Особенно когда рядом собственная любовница... Особенно когда укладываешь ее в постель...

Шарлотта, у тебя нет стыда! Но это ничего... Зато и несчастья нет! Может же у человека хоть иногда не быть несчастья...

3. Надо было хоть немного прибраться, а то комнаты становились похожи на песчаные пляжи – сплошная пыль... и еще Зэкери разорвал весь свой конспект – уже раз в десятый. У него всегда странные идеи. Испшет целую тетрадь, потом выбросит все – и заново пишет, чтобы лучше запомнить.

Анна ушла на консультацию к Жаклин. Я попросила ее показать все наши продвижения по мировой литературе средневековья. Начать бы выписки – а оригинальных текстов не хватает. Мы, конечно, набрали и кое-что французское, и немецкое, и итальянское... правда, не знаю, кто нам будет с французского переводить! Видимо, это придется читать по-английски... Даже если я выпишу пару строк из оригинала, все равно не смогу воспроизвести. Обидно, что из нас четверых никто не знает французского. Владеет им Мари, но от этого никакого проку. В детстве, перед самым поступлением в школу брат с сестрой по обыкновению своему повздорили и пошли в разные языковые группы, чтобы реже встречаться – и вот Зак выучил немецкий. Теперь они с Энджи – два эксперта, а по-французски мы решили отстать до конца триместра. Сделаем сначала, что знаем. С Франсуа Рабле еще можно разобраться – хоть по картинкам. А что делать со стихами? – Вийон, Ронсар...

Всю неделю весьма своеобразно переводили Шекспира. Просто составляли список устаревших слов! Придется бедной Жаклин сегодня Анне это все рассказывать. Будет еще лучше, если она даст какую-нибудь книжку по исторической грамматике, потому что в субботу 26 числа мы в библиотеку не попадаем – у нас семейное торжество. Нормальные люди историю языка учат на втором курсе, а мы, видимо, примемся на первом. Ни один порядочный студент из этого университета еще не споткнулся на Шекспире! А тут вдруг выясняется, что господа шотландцы и господа русские провалили всю устаревшую лексику...

– Заки, не топчись! Я, кстати, твой мусор мету! Сходи и сними стипендию лучше!

– Любуюсь на твоё рвение убираться. Кто тебя так воспитал?

Это называется – акт международной коммуникации! С иностранцами можно общаться лишь письменно и канцелярскими штампами – но ни в коем случае нельзя стоять нос к носу с таким вот аристократическим потомком, которому все его бумажные околышки хочется в лицо выкинуть.

– Это был менталитет, – говорю. – Ты все еще стипендию не снял?

– Нет, я еще и шаг из дому не сделал... И все у вас так любят убираться?

– Да ненавижу я уборку! Ненавижу!

– Наняла бы кого-нибудь двадцать раз.

Это уже звучит откуда-то из-за стенки. Ходит и гремит бутылками.

– А кто будет платить? Может быть, ты? Ты помнишь, какое число в субботу? Мне просто не хватает – неужели так трудно понять?

– У тебя осталось всего двадцать минут. Мы непременно должны зайти в магазин перед танцами, потому что потом у нас автобус отходит. После клуба не получится – только на остановку.

– Господи! Да ты сам сейчас больше проходишь!

– Ля-ля-ля... Ля-ля-ля...

– Я закончила! А грязную воду выльем на Зэкери!

– Нет!!! – взвизгнуло на кухне. Потом что-то грохнуло. Мимо меня галопом, с дикими воплями пронеслось нечто торпедное и выскочило на улицу. Дверь захлопнулась...

Зимний воздух стоял неподвижно – одной сплошной тучей. Чувствовалось море и приближение дождя – восточный горизонт волновался. Песочные дорожки отсырели еще ночью и цеплялись к ботинкам. В тишине раздавались короткие свистки с железнодорожной магистрали, однако, куда движется состав, невозможно было определить – эхо подхватывало звуки и раскатывалось по округе то приближаясь, то удаляясь...

Небо все больше белело от тумана и облаков, повисающих над головой неровными, бесформенными фигурами. Солнце было где-то высоко и не с нами. Кругом глядела тоска, и хотелось думать.

От заправочной станции тянулись следы мокрых колес вымытой из шланга машины. Автобус мерно уходил на запад – и, согласно расписанию и случаю, в полном одиночестве. Мы с Зэкери расположились перед самой кабиной, оставив позади скучные ряды пустых кресел. От нечего делать я барабанила пальцами по кожаному сидению. Зак развалился и не отрывал глаз от пейзажа, скатываясь постепенно головой на мое плечо. Мне было немного видно водительское окно – и я смотрела то в даль, то на верхнюю панель с крупными цифрами 576. В салоне совершенно некстати гремело радио: без конца передавали время, погоду, пронзительную музыку...

Лондон звал! – если не надеяться, то просто жить. Хотелось танцевать, именно потому, что совершенно не танцевалось. Хотелось все успеть – в голове царил хаос: умножались деньги, перебирались кафе, куда можно будет сходить в субботу, мелькали лица, обрывки начатых дел. Внезапно захотелось что-то погладить – привычным движением пальцы скользнули по пряди белесых волос:

– Заки...

– А!

– Я не придумала, что можно подарить Валенсии...

– Выберем! Зайдем в универмаг – глаза разбегутся.

Хотелось людей, толпы, какой-то оживленности; хотелось зелени – как в сентябре, хотелось настроения – как никогда... «Я должна написать что-нибудь свое, – пронеслось в сознании, – или отдохнуть от Шекспира...» Гордость от езды, гордость от Англии обливала честолюбие, запрещала скучать и расстраиваться, незаконное расстройство запрещало радоваться, сердце ждало... По стеклам потекли струйки, и плакал мир *inside* и *outside*...

Город появился неожиданно – выплыл из-за поворота, ударил в глаза и замелькал, оставаясь уже позади, позади... Старательно объезжая достопримечательности, автобус двигался к Трафальгарской площади.

В Лондоне обещало штормить. С реки дул порывистый ветер, разбрасывал редкие капли влаги. Между домами гудело. Люди толпами шли навстречу и исчезали за спиной, другие обгоняли – так и не удавалось увидеть их лица. Мы брели по городу уже пешком. Маленький Зак покачивался рядом, как воздушный корабль. Все в нем было смешное – и обветренные губы, и сморщенный нос, и разлетающиеся волосы, которые двигались по красной куртке, парили, занавешивали глаза, и воротник, край которого он грыз. Смешно было, как он шагал в огромных белоснежных кроссовках, спрятав руки в карманы широченных светлых джинсов... Он

поминутно останавливался, отставал, толкался, вертел головой, шел задом наперед. Приходилось вертеться и мне, чтобы не потерять его.

– Заки, ты чего бледнеешь?

– Я?! Ничего!

– Давай пробежимся! Нам еще тренироваться сегодня.

Я схватила его за руку и потащила сквозь толпу. Он летел за мной вприпрыжку, сквозь ветер доносился голос: опять базарил сам с собой; рюкзак с аппликацией желтого животного хлопал его по спине. Вдоль дороги тянулись стеклянные витрины, и мне было видно это отчаянное, жестикулирующее отражение. Когда он заметил, что я на него смотрю – принялся строить рожи. Нам было семнадцать лет – и вели мы себя, как натуральные дети...

По ступенькам в «Хэрродс» Зак поднимался, как медвежонок в валенках, и у входа был уже весь красный от смеха. Внутри универмага был словно другой мир. Мы очутились в зале сувениров: морские ракушки и звезды, павлиньи перья, лампы в виде трубок с искрящейся водой и плавающими в ней рыбками самых кричащих оттенков – сплошная иллюзия! У стены стоял включенный домашний кинотеатр! Просто невозможно было мечтать о таких экранных масштабах.

– Заки, я все хочу! Смотри – домашний кинотеатр! Я все куплю!

– Можно будет настроить все каналы и смотреть фильмы разные. Скажем – «Истории секса: от Дон-Жуана до королевы Виктории», производство США.

– Только представлю лицо одного человека по такому телевизору – и мне плохо!

– Твоя влюбленность?

И улыбается по-детски, невинно. Как младший братишка, который впервые заметил, что сестра вздохнула об однокласснике.

– А Анна тоже любит кого-нибудь?

– Не знаю.

– Как так?

– Не знаю и все! Что тут такого?

– Какая глупость!

– Сам ты большая глупость! Кладезь праздного любопытства.

– Так какого мальчика она любит?

– Которого не существует.

– Значит – как Лэсси! Сестре моей нравится супермен из «веселых картинок».

– Валенсия любит комиксы?

– Да.

– И что нам ей дарить?!

Хороший был вопрос. Прежде всего я купила огромную цветную открытку, а потом мы принялись безбожно тратить деньги на всякую суету. Заку вдруг срочно понадобилась ручка – и он выбрал себе в итоге какой-то мощный красный гель, который растекался на бумаге, как кровь. Потом он отправился в спортивные товары и вышел оттуда с маленькой кожаной черепашкой, набитой шариками – так называемой Beanbag Turtles.

– Мне сказали, что она не тонет в воде. Я буду ее по Темзе пускать!

В ответ на это я лишь удивилась, как только он лодку надувную не догадался приобрести.

На третьем этаже мы выстроились у окна в коридоре и смотрели на реку. Над ней летала пена.

«Здорово! Здорово! – восхищался Зэкери и ляпал стекло. – Ну пошли же, пошли! Запустим черепашку...»

Я чуть не обалдела. «Какую, – говорю, – черепашку?! Там уже шторм начинается!»

– Пошли посмотрим...

От возбуждения он даже не поехал на эскалаторе – не мог стоять спокойно. Побежал на лестницу и покатился вниз. Я прыгала за ним по ступенькам, недоумевала и только размахивала в воздухе свежими номерами журнала «Just 17» и таблоида «Sun».

На улице пахло морской волной, над головой трепало государственные флаги. Зак даже не остановился в дверях, сразу взял разгон до набережной. «Ты куда? – крикнула я. – Собрался в ледяную воду лезть?» Мне пришлось бежать за ним. Наверное, это очень смешно смотрелась: бегут два человека к речке среди января!

Зэкер прыгал, прыгал по мостовой – наконец, приземлился на собственные джинсы, отбросил в сторону рюкзак, улегся на гранит и пытался достать до воды. Потом он подскочил и заплясал.

– Она плывет, плывет!.. Ой! Шарлотта, она потеряется!

– Зачем же ты ее выпустил?

– А я поймаю ее...

И бросился вдоль берега. Я подняла его рюкзак и тихо побрела по мокрой набережной, наблюдая за мелькавшей впереди красной курткой. До меня долетали брызги дождя и Темзы. Было не слишком холодно, зато дуло, как в аэродинамической трубе. Зак бежал до самого моста. Там он ухватился за какой-то выступ и по пояс свесился вниз. «Вылезай немедленно! – закричала я. – Ты сейчас утонешь вместе со своей черепахой». Мне было страшно даже приблизиться к пенистой стремнине. Сквозь водяной столб мелькнуло перед глазами быстрое течение – оно бурлило и несло вперед, как животное; гребни разбивались о гранитные плиты и заливали мостовую. Я схватила бедового мальчишку за рукав и потащила наверх. Зак вопил и поскальзывался. Концы его волос были мокрые, лицо забрызганное, с черепахи текло в три ручья на кроссовки. Он хохотал и падал; ухватился за мою руку, прижался лбом к моему плечу – и все хохотал. Мы, пошатываясь, побрели дальше по набережной и свернули на Трафальгарскую площадь.

Наш спортивный клуб находился около Пикадилли. Монолитное здание с разноцветными стеклами на фасаде, выходящем на дорогу. Над входом горела неоновая реклама – красные буквы «Would you» с эллипсисом. А дальше эта надпись повторялась в каждом окне белыми красками – would you, would you... Настоящий клуб желаний! Внутри мы попадали в зеркальный просторный холл с широкими подоконниками и зелеными электронными часами под потолком. Здесь можно было начинать танцевать хоть от дверей. Посередине стоял столбик – указатель. Табличка «Would you dance» указывала направо. Танцы занимали добрую половину здания. Здесь были и парные, и одиночные, и аэробика, и мужской брейк. У нас сложилось так называемое «коло», или хор – большая группа; они специализировались в основном на дискотеке и народных танцах – болгарских, финских, самых разных.

Налево шли спортивные залы для тенниса, волейбола и кетлеры. Кстати, именно на этих тренажерах я себе чуть руку не вывихнула в октябре! У нас была шикарная душевая: у одной стены кабинки, у другой – бассейн, маленький, но глубокий – в нем даже вода казалась темной. Иногда нам сбрасывали целый поток из отверстия в стене. По другую сторону находилась котельная, воду поднимали насосом, и она падала в бассейн с восьмиметровой высоты. Грохоту было, как в турбинном генераторе. Однажды меня Зак затащил под этот водопад. Помню, стояла там, вопила – и выплыла потом какая-то помятая...

Я повернула направо и побежала по коридору мимо то шумных, то пустынных залов; в обычной своей раздевалке освободилась от ярко-зеленой ветровки, ботинок, и босиком отправилась в ординаторскую.

– Линда! Hola! Я уже здесь...

– Привет, латиноамериканка. Под какую музыку будешь танцевать?

– Под какую угодно! Я сегодня уже наслушалась всякой дряни...

Она засмеялась и завела меня в один из залов.

– Вот здесь. Я тебя специально вожу, чтобы не привыкалось к одному месту. Включай любое диско и повторяй все сначала. Я скоро вернусь...

К пяти часам на улице уже темнело. Но мне нравилось, как электрические лампы отражались в зеркалах. Так бывает много раз: свет немил, тревожит что-то непонятное, сердечное, ведет к депрессии – и тогда говоришь самой себе все свои достоинства. Ты в Англии, учишься в университете, живешь самостоятельно, за окнами день погас, а ты танцуешь в лондонском клубе, домой ты вернешься поздно и не одна. И все это ты создала собственными руками – собственными силами! Где же ты их брала?! Забыла я – где... Мне грустно... И сам воздух вокруг поэтичный на вкус и цвет – оттого что мне невесело...

Стояла и выдвигалась перед своим отражением. Внезапно я увидела, что дверь открыта и на пороге в коридорном сумраке стоит какой-то парень. Я сбилась, пошатнулась и остановилась...

– Девушка, если вы так реагируете на людей – как же вы собираетесь выступать?..

Свет коснулся его фигуры – темно-русые волосы, серые глаза... Сердце смущенно вздрогнуло, вспомнилось что-то знакомое. Я молчала.

– А мне нужна Линда...

– Она вышла.

Он добро улыбнулся.

– Хорошо. Не буду вам мешать. Не хочу, чтобы из-за меня страна лишилась талантливой танцовщицы.

И тихо вышел. Даже не рассмеялся саркастически за дверью...

– Что-то случилось? – спрашивала Линда.

– Нет-нет. Просто у меня обычный минор...

– Знаешь, Чарлотти, у тебя есть талант. Когда ты весела – ведешь танец ритмичнее, а когда не в духе – более... чувственно. У тебя словно потенциалы – некие грани, которые постепенно раскрываются... Тебе есть чем удивить публику...

– Ты настаиваешь, чтобы я добилась VIP. А я даже не думала, надо ли мне это.

– В жизни множество дел, Чарлотти, которые валяются из рук, – стоит лишь испортится настроению. Но если ты в своей тоске черпаешь новый источник вдохновения, если ты находишь иную цель, иной образ в творчестве, начинаешь еще одну стезю – важно не потеряться, нужно всегда следовать именно этой тропой. И не бояться показаться странной!

– Я обещаю подумать, Линда. Я пересмотрю свою жизнь! Если мне действительно нужны танцы – буду заниматься. Ты же знаешь, что я умею работать.

Она немного помолчала, словно намереваясь обсудить какой-то личный вопрос.

– Никогда не надо оставлять за порогом то, что удалось в себе найти. Ты обнаруживаешь любовь к прекрасному, к искусству, ищешь свой образ и стиль... Но при этом ты не хочешь быть самой собою.

– Почему?

– В тебе есть красота, а ты ее не видишь. И запрещаешь видеть другим. Ей надо дать жизнь – ты ее прячешь. Все зависит только от нас! Ты уже выпрямила себе спину, стала стройной. А помнишь, какой ты пришла осенью? Ведь так просто! Может быть, стоит о том, чего ты еще не сделала? Распускала ли ты волосы – хоть раз?

– Нет.

– Ты боишься показаться уродом – но ты еще похорошеешь! Сама по себе – потому что тебе всего семнадцать лет, и ты в том возрасте, когда не стареют, а наоборот, молодеют. Ты еще не цветешь! Ты должна быть красивой, Чарлотти. И не только для VIP... Мы с тобой уже об этом говорили.

– В VIP меня накрасят...

– Ну и что?

– Я ненавижу...

– Для этого существует одно золотое правило: не смотреть в зеркало...

Я поймала на себе ее внимательный взгляд – словно она видела во мне что-то гораздо лучшее, чем есть на самом деле. Я ощутила теплые чувства и порывисто обняла ее за шею. В первый раз...

Этот разговор не выходил у меня из головы. Отчаянно хотелось верить – отчаянно хотелось все бросить. У меня не было никакой определенной цели в жизни. Лондон грел – как факт, но дальнейшая жизнь абсолютно не представлялась – только в виде каких-то полунадежд. Я не доверяла себе... и страшно боялась французских переводов.

В раздевалке я забрала свою ветровку и вышла в коридор. Его нужно было пройти до конца, повернуть налево, подняться по трем ступенькам и забрать Зэкери с брейка. И внезапно я увидела того самого темно-русого парня. Он подошел ко мне в этом тускло освещенном коридоре и тихо сказал: «И снова вы... Шикарная девушка из зала номер двадцать девять... Линда открыла мне ваше имя.., моя Кармэн...»

– Сударь, – произнесла я довольно резко, – вы одурели?

– Не обижайтесь... Надеюсь увидеть вас на каком-нибудь чемпионате! Спасибо вам... за танец!..

Он вручил мне коробку конфет и исчез в конце коридора. Я стояла, как ошпаренная. Через две секунды ворвался Зэкери, полуодетый, потный, с полотенцем через плечо.

– Видел парня? – спросила я.

– Видел, кажется... А что?

– Он мне конфет подарил...

На это Зак даже не удивился. Только подскочил, по-детски тараща глаза.

– Ну так открывай, открывай... Кушать, кушать, кушать...

– Как кошечка, честное слово...

– Ты уже закончила?

– Будто бы...

– Подожди... Быстренько соберусь, и мы поедem...

Я подошла к крану и умыла лицо. Вода капала в раковину, гулко отдавался звук в пустынной душевой. И вновь стало жутко и одиноко – будто все чужое вокруг...

Зато домой мы ехали куда как весело! Зак шелестел фольгой. Во всем темном мире существовал лишь один освещенный уголок – салон нашего автобуса. И он двигался во времени и пространстве, как мы – по жизни.

– Вот и появился у тебя первый поклонник, – разглагольствовал Зэкери; слушаю я или нет, его абсолютно не интересовало. – А их будет много! Начнут дарить конфеты и цветы, посылать записки с мольбой о встрече и любви, стелиться... коврами...

– За-ки, – протянула я как-то тревожно, – ты, по-моему, му-му гонишь!

– Что?

– Да так... Впервые мне подарили коробку – и ты уже все съел...

– Не все...

– У тебя есть свои шоколадки.

– Я дома забыл.

– Ложь какая! Ты, наверное, зажевал их давно...

– Нет-нет. У меня остались. И я знаю, что буду делать! – тут он разважничался и чуть не разронял то, что не доел. – Я буду горячий шоколад варить! Завтра обещают похолодание.

– И ты встанешь у плиты?!

– Шотландец, который не может сварить шоколад – уже не шотландец, увы!

Было семь часов вечера. Эссекс прятался в темноте, а душа этого мира – в глазах Зака...

– Разорилась и купила новые дискеты. Разноцветные, в коробочке. Мне уже так надоела моя черная... Тут на всех хватит. А вот это... – смотри! Так красиво завернули – там внутри будильник. Большой. Зеленый. Ну что еще можно подарить?! Вместо секундной стрелки фигурка дятла. Он долбит нарисованное дерево... Да... развернуть уже не получится никак... В общем, там будильник. Специально не завели, чтоб не думалось... А что это у вас тикает в коробочке? Вместо сухого треска он звенит, как колокольчик... Дин-дон!..

Странно это прозвучало – отрывисто и неожиданно, будто кто-то пришел. Получился у меня механический звук, а не слово. От этой противоестественности все внутри дрогнуло. Я подняла на нее глаза и поняла, что она и не сводила с меня взгляда. Опять я болтаю глупости и не знаю, о чем она думает...

– А сегодня было интересно. Когда мы подошли к эскалатору, там стояла девушка с узкими глазами и ужасно боялась. Она, наверное, из самой последней глуши. Потом ее друзья поехали наверх, – и девчонке ничего не оставалось... Она полезла вслед за ними, чуть не упала и стала хвататься за людей. Которыми оказались мы! И я вот думаю... Поневоле захочешь, чтобы Мигель свалился на эскалаторе и хватался за меня, как за последнюю соломинку...

– Грустить будешь, – прошептала она.

Ее взгляд преследовал меня. Лампа ярко-ярко горела. Конечно, я буду грустить – но что же мне делать? Остается только все свои недостатки обращать в достоинства.

У нее странные глаза – немного косые, немного застывшие. И постоянно там дрожит какое-нибудь чувство. Смотрит и будто даже не видит – только дрожит чувство – и молчит... А ты думаешь – вот мой грех! Вот мое странное сокровище, мое чудовище с сильными, властными губами. Наверное, если бы она была красавицей – она покоряла бы сердца настоящих мужчин... и бросила меня. Как бы тяжело было отпустить ее к парню... И стать тогда больше одинокой, чем комета в космосе...

Если бы я пела на эстраде – то о любви к ней. И создала бы клип на очень грустную песню: она уходит к мужчине, они стоят рядом и внимательно смотрят друг другу в глаза, а я пою одиноко и неподвижно стою на какой-нибудь горе – будто превращаюсь в плакучее дерево... Представляю две фотографии в диске; одна – моя, допустим, та самая, где рукава закатаны и на запястье огромные синие часы – там я очень сильно похожа на парня. А рядом ее фотография – обязательно в желтой блузке. Ей идет желтый цвет! Она улыбается на фоне каких-то зеленых лугов – так здорово улыбается, что мне могли бы позавидовать! – и косых совсем не заметно...

Я люблю тебя, некий малыш! Мне очень надо... И неважно, как это все называется.

– Энджи... Завтра у Зака консультация в восемь утра, а Валенсия пока без будильника и не проснется... Может быть, мы сходим в душ?..

– Может быть, – улыбается игриво...

Она становится ближе мне – в этой комнате; гораздо ближе, чем та подруга, что сидит со мной за партой – даже если она гладит мои пальцы под столом, даже если мне удастся расстегнуть ей в библиотеке хоть одну пуговицу... Может быть, оттого, что здесь я вижу ее плечи под сползающим полотенцем, капли утренней воды на ресницах, последний блеск в засыпающих глазах.

Мне не забыть тот день, когда она в длинном сарафане задумчиво сидела у окна, а я хотела видеть ее лицо – и оставалось только опуститься на колени... В тот момент поняла одну святую вещь: если бы я носила мужское имя, то ни за что не позволила бы ей быть мне просто подругой или любовницей – она стала бы моим домом.

– Может быть, нам в Голландию поехать? Говорят, там возможны однополые браки...

– Купим свадебные платья...

Я потянулась к ней и вдруг увидела коридор. Пришлось запустить через всю комнату собственным рюкзаком. Дверь захлопнулась, и мы свалились на постель...

Я СОШЛА С УМА. МНЕ НУЖНА ОНА.

4. Когда этот варварский мир удивляет нас своей дикостью, нам, наверное, кажется, что мы благороднее. Но мы лишь ведомые, ... как и всегда. И не чувство какое-нибудь тревожит – даже не предчувствие; не надоедливый звук вдальке – и даже не его отсутствие, но смирение перед внезапной красотой, – а за окнами бушует стихия... Будет ли это твоим раздражением или радостью, решит твой бог, но душа станет ревнивой, как животное – она знает, что это космическая боль, которая ее достанет...

Мир, я хочу объять тебя весь!

Я волк, что рыщет по острым ножам или волчонок, который еще боится... Я вижу красоту, и не надо меня губить! И оттого, что станет холодно, будет лишь весело, – ну разве не представишь ты, будто это никем не согретая его кожа!.. Я придумаю его, я его создам ... из снега.

Снег пошел сплошной стеной, раскрашивая воздух в белый цвет. Только что блестели в глаза огни – отражались лампы на полированном столе библиотеки – и вдруг вижу в окно зимнюю громаду: висит изображение, как картина.

Снег падал и тут же таял, словно исчезал в камнях. Дороги отсырели, будто барабанил дождь. Сквозило в лицо, надувало что-то в сердце, а я только расстегивала куртку. В белом тумане появился Зак – как маленькое чудовище. Мне показалось, что он движется очень медленно, словно пробивается сквозь заросли – и постоянно вертится, играет в снежный вальс. Намокла рубашка, волосы запутанные, заметенные.

– Снег! Снег! – вопил он.

Это была уже серенькая тень на фоне, просто большая снежинка, которая мелькнет рядом – и не поймаешь... Нечто воздушное, расплывающееся, а вопило уже собственное сердце – не голос Зака...

И внезапно налетело что-то сильное, коренастое, живое – завертело, завертело.

– Снег! – раздавалось совсем близко. – Снег!

Перед глазами все поехало. Откуда-то появилась Валенсия в своем сером плаще.

– Стойте! – доносились ее слова. – Не сходите с ума! На улице три градуса! Вы в больницу хотите? Оденьтесь хотя бы! Прекратите вертеться!

– Мы не можем. Мы в круге жизни, – сказала я и ухватила за голову.

Зак все-таки оставил меня, но бросился к сестре.

– Я варю шоколад! А я шоколад варю!

– Вари хоть отраву! – она хлопала его длинными полами и пыталась бежать.

Потом я увидела Анну, из-за ее спины выглядывал все тот же Зак.

– Отпусти! Отпусти! – кричала Энджи. – Уронишь! Уронишь!

Казалось, что все они сейчас превратятся в снег и растают – запорошенные, забрызганные, неузнаваемые фигуры...

Когда мы вломились, наконец, в дом, у Зака на плите уже гудело.

– Шоколад! – шумел он. – Держись, Кэдбери!

Я представила, как маленький Зак стряпал свое произведение – и вдруг увидел снег, как он бежал вон в порыве радости, как он хотел с кем-то ею поделиться – и нашел нас, как он ломал свои конфетки, а фруктовые начинки, конечно, забывал вытаскивать, – теперь получится шоколадный суп пополам с компотом или молоко обязательно подгорит... Скажите мне, стены дома моего, почему бы нам не жить шикарно и не варить весело? Зачем воспоминания о прошлом, зачем надежды на грядущее, зачем в душе взрослый мужчина с грустными глазами? Я не знаю тебя, я не умею разговаривать с тобой, у меня нет слов выразить свое отношение к тебе – неразумная и маленькая! – даже меньше Экери: он знает, как жить в своем мире, а я не знаю, как выжить в своем мире...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.